

КАРНАВАЛ

Бескрайняя пустая снежная равнина, плоская, как тарелка. Над равниной висит серая мгла, полумрак, солнца не видно. Вьюга. Туман. Воеет ветер. Посреди равнины торчит одинокое голое чахлое деревце. Из снежной мглы появляется олень: медленно, едва переставляя ноги, спотыкаясь и пошатываясь, он бредет из одной неизвестности в другую. На олене, подобно сбруе, закреплена веревка, к длинным концам которой с двух сторон за обе руки привязаны дети, мальчик и девочка; их безжизненные тела волочатся по снегу, подпрыгивая на неровностях рельефа. Олень подходит к дереву и на какое-то время останавливается, концы веревки провисают и спутываются кольцами. Олень долго и тщательно обнюхивает ствол и ветви, опирается на ствол передними ногами, чтобы подняться повыше, но ничего не находит. Опустив голову, он различимо вздыхает и начинает уходить от дерева, спутанная веревка постепенно распрямляется, привязанные к ней тела детей также приходят в движение. Край веревки, к которому прикреплено тело девочки, оказывается чуть захлестнутым за ствол дерева и застревает. Олень встает, тяжело дышит, затем начинает тянуть и дергать. Веревка натягивается и скрипит, провисает и снова натягивается, и кажется, вот-вот лопнет, но один из рывков оленя всё-таки завершается успехом — веревка высвобождается и вся троица продолжает своё движение; однако, левая рука девочки выскользнула из петли и откинулась в сторону. Теперь тело девочки оказывается привязанным лишь за правую руку и волочится по земле на правом боку. Медленно, очень медленно олень уходит в снежную мглу и растворяется в ней, затем из виду скрываются детские тела. И ничего, лишь пронзительно воеет ветер.

Через какое-то время из тумана выходит мужчина. Не спеша подходит к дереву, осматривает его, трогает по очереди одну ветвь за другой, поглаживая их, дергая и оттягивая, словно проверяя на прочность, недовольно качает головой. Опирается ногой на нижнюю ветку, встает и точно так же проверяет ветви выше, но ветка под ним ломается и мужчина неуклюже падает в снег. Какое-то время лежит без движения лицом вниз, затем встает, ругается под нос, брезгливо отряхивается, прислоняется рукой к стволу и прячет лицо в изгиб руки. Тело его начинает сотрясаться будто в конвульсиях — мужчина плачет, его всхлипывания и рыдания слышны всё громче и громче. Он плачет очень долго, но постепенно успокаивается, всхлипы стихают. Какое-то время он стоит молча, уткнувшись лицом в руку, затем резким движением выпрямляется, снова поднимается чуть вверх по дереву, тщательно проверяя ногой ветки под собой, а руками — над собой, наконец, видимо, находит позицию, которая его устраивает. Достает из-за пазухи веревку с уже скрученной петлей, закрепляет на ветви над собой, просовывает голову в петлю и замирает. В это время из туманной мглы за спиной у мужчины появляется ангел. Ангел не спеша подходит к дереву, встает и, подняв голову, смотрит в спину мужчине. Какое-то время ничего не происходит, лишь пронзительно воеет ветер. Ангел негромко кашляет, но звук тонет в вое ветра, мужчина не реагирует. Ангел кашляет громче. Мужчина вздрагивает, пытается оглянуться назад, но ему не дает петля, от слишком резкого движения теряет равновесие и едва не соскальзывает с ветки, испуганно хватается двумя руками за веревку, с трудом удерживается, замирает. Его бьет дрожь. Ангел обходит мужчину, встает впереди и смотрит на него. Мужчина смотрит на ангела. Молчат.

МУЖЧИНА. Блин, нельзя ж так пугать. Чуть не обосрался.

Ангел молчит.

МУЖЧИНА. Чё припёрся-то?

АНГЕЛ. Слышь, Вань, ты чё, в конец, охренел ваще?

МУЖЧИНА. Отвали, а.

АНГЕЛ. Чё сказал?

МУЖЧИНА. Отвали говорю, пристал. Дай повеситься спокойно.

Ангел закатывает глаза.

АНГЕЛ. Ты задолбал уже, ну. Чё там у тебя опять?

МУЖЧИНА. Тебе-то чё? Премия квартальная чтоль накроется?

АНГЕЛ. Так, интересуюсь.

МУЖЧИНА. Опять морали мне читать будешь? Можно не сейчас, а? Занят я, видишь.

АНГЕЛ. Вижу. Самозанятый, ага. Налоги-то заплатил?

МУЖЧИНА. Развлекаешься?

АНГЕЛ. Шучу. Выкладывай давай, чё у тебя там.

МУЖЧИНА. Ну чё пристал, а. Ты по сторонам давно глядел? На улице зима третий год, тут кто хошь роскошнадзорнется.

АНГЕЛ. Ерунда. У всех зима, у меня тоже зима третий год, я ж не вешаюсь.

МУЖЧИНА. Так всё. Не хочу я это с тобой обсуждать.

АНГЕЛ. Да ты охренел, слышь. Рано делать ещё харакири, нужно сохранить до финала интригу...

МУЖЧИНА. ...да Фейка меня бросила? Фейка! Доволен?

АНГЕЛ. Куда бросила.

МУЖЧИНА. Ты издеваешься, да?

АНГЕЛ. Да. А у вас с ней чё, разве чё-то было? Я чёта в этой жизни пропустить успел?

МУЖЧИНА. Да пошел...

АНГЕЛ. Нет вот давай без «пошёл», давай ты сам пошёл, да? Напомни-ка мне, я тебе чё по этому поводу говорил, а? Говорил тебе «не лезь, она тебя сожрет», говорил? Чё молчишь, говорил, да?

МУЖЧИНА. Ну говорил. Да.

АНГЕЛ. А ты чё.

МУЖЧИНА. А я ничё. Думаешь, я сам не знаю?

АНГЕЛ. You know nothing Jon Snow.

МУЖЧИНА. Слушай, ну всё, ну хватит, а. Ну что ты за человек такой?

АНГЕЛ. Я не человек, я — ангел. Чё было-то?

МУЖЧИНА. Ну... мы три дня гуляли типа вечерами там, типа вместе, а потом она такая говорит: не, Вань, слышь, чёто всё сложно с тобой как-то, а я не хочу сложно, ничего у нас не выйдет, короче... *всхлипывает.*

АНГЕЛ *закатывая глаза.* О, боги... какая трагедия, а. Греки отдыхают.

МУЖЧИНА. Иди в жопу, да? Хрена ли ты там понимаешь, а? Я с ней может впервые себя по-настоящему живым почувствовал! А? Умник...

АНГЕЛ. Да ты Ваня в край дурак, я тебе вот чё скажу. Тут на улице третий год зима, а ты посреди всего вот этого вот дерьма стоишь тут такой в петле и чешешь мне какую-то термоядерную дичь. Счастливым он твою мать себя почувствовал по-настоящему, три дня за ручку с бабой подержавшись, которой на него глубоко насрать...

МУЖЧИНА. Слышь...

АНГЕЛ. Идиот! Нет, Ваня, заткнись, это ты меня слушай. Я тебе и за три года до твоего рождения безо всяких там оракулов мог бы предсказать, что ничего у тебя с Фейкой не

выйдет, да и вообще ни у кого. И говорил тебе об этом, между прочим! И Фейка сама тебе сто раз говорила, не?

МУЖЧИНА. Сам дурак, да. Сам виноват, сам и...

АНГЕЛ. ...любовь у него неземная обломалась, видите ли? В петлю полез... за сиськи-то её мацал хоть?

МУЖЧИНА. Чё?!

АНГЕЛ. За соски говорю Феечку подергать свою успел, а? Чё замолчал, а? Не успел? По хлебалу твоему перекошенному вижу, что не...

Мужчина злобно дергается в сторону ангела, ветка ломается и он повисает в петле. Хрипит, дергает ногами, хватается руками за шею, задыхается, извивается в конвульсиях. Ангел смотрит на него брезгливо. Конвульсии становятся тише и реже, наконец, мужчина перестает дергаться и повисает в петле. Из уголка его посиневших губ свисает замерзшая ниточка слюны. Ангел отворачивается, морщится. Затем садится под дерево, прислоняется спиной к его стволу. Достает сигарету, закуривает. Дым от сигареты смешивается с летящим снегом. Ангел курит. Через какое-то время из снежной мглы появляется фея. Смотрит на дерево и висящего на нём мужчину.

ФЕЯ (ангелу). Слышь, это чё.

АНГЕЛ. Не видишь, что ли? Ваня. Был.

ФЕЯ. Вижу, что Ваня. Я спрашиваю, чё это он.

АНГЕЛ. Угадай с трёх раз.

ФЕЯ. Что, опять?!

АНГЕЛ. Ага. Звёздочку пойдешь себе набей очередную, не забудь.

ФЕЯ. Да твою...

АНГЕЛ. Да ладно тебе, не бери в голову. Одним больше — одним меньше. Сколько их за последний год было? Шесть? Семь? Девятнадцать? Ты сама со счёту не сбилась ещё? Да и вообще, ну чё ты вечно на свой счёт это принимаешь? Тут зима на дворе третий год, кто хошь роскошнадзор...

ФЕЯ. У всех, блин, третий год зима! У тебя тоже зима, ты ж не вешаешься?

АНГЕЛ. Ну просто я — ангел. В отличие от них, у меня на твой счёт никаких иллюзий нету. Чего тебе от меня надо я точно знаю.

ФЕЯ. Да ничего мне от вас всех не надо, понял, да? Ни от них... ни от тебя...

АНГЕЛ. Чё, правда?

ФЕЯ. Господи, как же я устала, кто бы знал.

Садится рядом с ангелом. Смотрит перед собой отсутствующим взглядом, в глазах её стоят слёзы. Молчит, Ангел молчит тоже. Смотрят в туман. И ничего, лишь пронзительно воет ветер, да раскачивается на ветру висящий в петле Ваня.

ФЕЯ. О как пал ты с неба, денница, сын зари...

АНГЕЛ глядя на Фею с интересом. Так-так-так.

ФЕЯ. ...разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: «Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему». Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней.

АНГЕЛ. Продолжай, мне интересно.

ФЕЯ. Видящие тебя всматриваются в тебя, размышляют о тебе: «Тот ли это человек, который колебал землю, потрясал царства, вселенную сделал пустынею и разрушал города ее, пленников своих не отпускал домой?» *Замолкает.*

АНГЕЛ. И?

ФЕЯ. Не коси под тупого. Я знаю, у тебя есть.

АНГЕЛ. А поконкретнее?

ФЕЯ. О, несущий свет, принеси немного света и в мою стрёмную жизнь тоже!

АНГЕЛ. Вот так, значит. Ничего тебе от меня не надо, да?

ФЕЯ. Доставай уже, а. Ты ж за этим пришёл.

АНГЕЛ. А волшебное слово?

ФЕЯ. Задолбал! *Ангел смеется.* Хватит ржать. Давай вмажемся!

Не прекращая смеяться, Ангел достаёт ложку. Щедро зачерпывает ей снег, отряхивает с внешней стороны, затем достаёт из кармана пакетик с белым порошком, сыплет порошок в ложку, тот смешивается со снегом. Ангел убирает пакетик и достаёт зажигалку. Поворачивается спиной к ветру. Греет ложку. Туман вокруг начинает сгущаться.

АНГЕЛ. Кухня с собой?

ФЕЯ. Я тебе что, аптека? Твоим поставлюсь. Сейчас всё антибиотиками лечится.

АНГЕЛ. Что, и спид?

ФЕЯ. Ты ж ангел, откуда у тебя спид?

АНГЕЛ. Может, у тебя есть.

ФЕЯ. У меня откуда? Да и тебе ли не всё равно?

Жидкость в ложке начинает кипеть. Пространство окончательно затягивает густым туманом.

АНГЕЛ. Кончай базарить, из кармана достань. У меня руки заняты.

ФЕЯ. Блин, а чего не до хрена? Мы не сковырнемся ли?

АНГЕЛ. Нормально всё будет. Ну чё смотришь, давай, забирай. Да куда ты...

ФЕЯ. Осторожнее, блин, прольется.

АНГЕЛ. Мужиков своих поучи... да куда ты ваты столько, Крым взять хочешь?

ГОЛОС ОТКУДА-ТО СВЕРХУ. Вы чё там внизу, в конец охренели?

ФЕЯ. Ой!

АНГЕЛ. Не дергай, дура! Совсем того?

ФЕЯ. Это кто?

АНГЕЛ. Да Джон Сноу твой воскрес.

ФЕЯ. Кто?

ГОЛОС (УЖЕ НЕ СВЕРХУ). Вы чё тут без меня ставиться надумали?

АНГЕЛ. Ваня, ты же умер, чё с ветки слез ваще? Вали обратно в свою Вальгаллу.

ВАНЯ. Да у вас тут на пятерых раствора!

АНГЕЛ. Это повод?

ВАНЯ. Тебе жалко?

ФЕЯ. Во, пошёл контроль.

АНГЕЛ. Ну хорошо, только после меня. А то мне за трупом чёто запахло ставиться.

Голоса смолкают, и только изредка из тумана доносятся приглушенные звуки возни, сопения или бряцания металла об металл. Затем всё смолкает, остается только туман и вой ветра. Через какое-то время из тумана высовывается голова оленя. Олень смотрит по сторонам, вздыхает и снова исчезает в тумане. Ничего не происходит, затем туман начинает рассеиваться. Ветер смолкает. На ночном небе виднеется растущая луна. Фея, ангел и Ваня (с посиневшим лицом, немигающими глазами и всё той же замерзшей ниточкой слюны) сидят у дерева, прислонившись спинами к его стволу. Глаза у всех полуприкрыты. Ангел чуть раскачивается, словно бы в ритм звучащей где-то в его голове музыке.

ФЕЯ. Почему. Ангел перестает раскачиваться. Почему. Почему.

АНГЕЛ. Что «почему»?

ФЕЯ. Почему вы делаете это со мной.

АНГЕЛ. Мы ничего с тобой не делаем. Всё, что происходит, делаешь ты сама. Скажи, Вань. Ваня приподнимает голову, смотрит в пространство немигающим взглядом.

АНГЕЛ. Эй, Джон Сноу, ты что, передознулся?

ВАНЯ. Очень смешно.

ФЕЯ. Ты же понимаешь, я это специально.

ВАНЯ. Да. Я понимаю.

ФЕЯ. И?

ВАНЯ. Что «и»?

ФЕЯ. Нечего по этому поводу сказать?

ВАНЯ. Ты что, правда думаешь, что я... из-за тебя?

ФЕЯ. А из-за чего тогда?

Ваня молчит.

ФЕЯ. Как же я вас всех... ненавижу. Почему вы всякий раз бросаете меня, когда вы мне так нужны?

АНГЕЛ. Ты знаешь, мне вот однажды сказали, что скорее в аду наступит зима, чем Бог услышит мои молитвы.

ВАНЯ. Просто мы все застряли в этой зиме, как муха в янтаре. Нет выхода, просто — нет. Всё это какой-то бесконечно тянущийся ночной кошмар, из которого нет выхода.

ФЕЯ. Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу. Всех вас ненавижу.

АНГЕЛ. И что мы видим вокруг? Все дороги замело снегом. На воротах в ад висят сосульки. Замерзшие души грешников взлетают в небо и словно птицы отправляются к тёплым краям, но никаких тёплых краёв нет.

ФЕЯ. Ты меня не любишь. Ты бросил меня. Это всё потому что я плохая, да?

ВАНЯ. Я думал, может быть хоть там... но нет, понимаешь? Нет никакой разницы. Нет никакого выхода. Там всё то же самое, что и здесь.

ФЕЯ. Ты никогда не любил меня. Я не нужна тебе.

ВАНЯ. Может быть ты знаешь почему, ангел?

АНГЕЛ. Всё это карнавал. Просто карнавал. Здесь всё не то, чем кажется. А Бога — нет. И надо как-то жить дальше.

ФЕЯ. Скажи, почему ты оставил меня?

АНГЕЛ. Кстати, это ты всё устроила.

ФЕЯ. Что?

АНГЕЛ. Вот это. *Обводит рукой пространство, берет в руку снег, показывает его фее.*

ФЕЯ. Я? Но почему я?

АНГЕЛ. Ты у меня спрашиваешь? И, кстати, за героин придется заплатить.

ФЕЯ. Что?

АНГЕЛ. Что слышала.

ФЕЯ. И чем я тебе заплачу, интересно? Ты же знаешь, что у меня ничего нет.

АНГЕЛ. Ну почему же. Например, у тебя есть ты.

Фея смотрит на ангела. Ангел смотрит на фею.

ФЕЯ. Что?

АНГЕЛ. Да-да, ты всё правильно поняла.

ФЕЯ. А ты не охренел ли?

АНГЕЛ. Может и охренел. Только что ты мне сделаешь?

ФЕЯ. А что сделаешь ты, если я скажу тебе, чтобы ты со своими предложениями катился в жопу?

АНГЕЛ. Ну... тут есть два варианта, что я сделаю. Один — меня тут больше не будет.

Никогда. Но, как ты понимаешь, и героина больше не будет. А другой... *придвигается к Фее ближе* ... я просто сам возьму то, что считаю нужным.

Фея отодвигается от ангела.

ФЕЯ. Ваня? Сделай что-нибудь, а.

ВАНЯ. Что.

ФЕЯ. Он же меня сейчас... Ваня! Ты ж говорил, что любишь меня, как ты...

Ваня пожимает плечами.

ФЕЯ. Да помоги же мне, ну что ты сидишь как труп?

ВАНЯ. А я и есть труп. И, раз героина больше не будет, то я пойду, пожалуй. Прости.

Залезает на дерево, вставляет голову в петлю и повисает на ней. Ангел довольно смеётся.

АНГЕЛ. Что, приссал защитничек твой, да? Не сражайся с неизбежным, Фейка. Никто тебе не поможет. Да и нет тут никого.

Фейка вскакивает, начинает медленно отступать, глядя на ангела.

ФЕЯ. Не подходи. По-хорошему говорю, не приближайся ко мне.

АНГЕЛ *(не спеша встает, ехидно улыбается, надвигаясь на фею)* А то что?

ФЕЯ. Даже не думай.

АНГЕЛ. А чё тут думать-то. *Бросается на фею, пытается повалить её, фея сопротивляется, кричит, бьет его руками, удерживается на ногах. В какой-то момент борьбы толкает ангела, тот поскользывается, начинает падать, сильно бьется головой о ствол дерева, мешком опускается на землю, увлекая за собой фею. Дерево сотрясается, Ваня на нем раскачивается. Фея высвобождается и несколько раз сильно бьет ангела ногой в висок, затем отскакивает в сторону. Тело ангела конвульсивно дергается и замирает. Ангел лежит неподвижно, фея смотрит на ангела, прикрыв раскрытый рот руками. И ничего, лишь снова начинает выть ветер. Небо вновь затягивается туманом, над равниной вновь повисает серая мгла. Фея садится на снег.*

ФЕЯ. Ну вот, героина больше нет.

Воет ветер.

ФЕЯ. И надо как-то жить дальше.

Над равниной несутся клубы тумана.

ФЕЯ. Это всё потому, что я плохая, да? Поэтому ты бросил меня? А ведь я ждала... каждый год ждала тебя снова. Но ты так и не пришёл. Ты забыл меня. Ты разлюбил меня, потому что я была плохой девочкой, да? Ну и посмотри теперь, что ты наделал. Посмотри, кем я стала. Нравится тебе? Нравится, да?

Фея обнимает колени руками и утыкает лицо в колени. Долго сидит неподвижно, не говоря ни слова. Плачет. Воеет ветер и несутся над равниной клубы тумана. Из тумана медленно, едва переставляя ноги, шатаясь, выходит олень. За ним по земле волочатся два оборванных конца веревки. Олень подходит к фее, осторожно нюхает её волосы, трётся об них щекой. Фея не реагирует. Олень осторожно толкает её мордой. Фея не реагирует. Олень различимо вздыхает, огибает фею и продолжает движение. Порыв ветра поднимает фонтаны снега, края веревки взлетают и один из них сильно бьет фею по рукам. Фея не реагирует. Олень медленно продолжает движение, останавливается на самом краю видимости, тяжело дышит, шатается и падает в снег.

ФЕЯ поднимает заплаканное лицо, смотрит прямо перед собой:

Ночь. Улица. Аптека. Никого

Грязь в подворотнях. Снег. И яд по вене

Я — тень, всего лишь тень того

Кто вовсе не отбрасывает тени.

ДЕД МОРОЗ (*из-за спины у Феи*). Какой чудесный стишок, девочка.

Фея вскакивает на ноги. Дед Мороз обходит её и встаёт перед ней.

ДЕД МОРОЗ. А какую чудесную ёлочку ты нарядила... загляденье просто. И игрушки... сама делала, да? Только вот ангелочек что-то свалился... ну это ничего, это мы сейчас поправим. *Наклоняется, поднимает ангела и вешает его на дерево.* Вот, так-то намного лучше.

ФЕЯ. Всё-таки пришёл.

ДЕД МОРОЗ. Ну конечно, пришёл. Дедушка Мороз никогда не забывает своих внучат!

ФЕЯ. Угу.

ДЕД МОРОЗ. А чего это у нашей девочки глаза такие красные?

ФЕЯ. Ветром надуло.

ДЕД МОРОЗ. Плакала, что ли? Как нехорошо... такие маленькие красивые девочки не должны плакать!

ФЕЯ. Никто никому ничего не должен.

ДЕД МОРОЗ. Ты расстроена? Тебя кто-то обидел, что ли? А ну, расскажи дедушке, он этому негодяю... уух... покажет!

ФЕЯ. Обидел? Да... пожалуй, что обидел. Рассказать, говоришь?

ДЕД МОРОЗ. Конечно, расскажи! Дедушка мудрый! Он тебя выслушает и утешит. Дедушка сильный! Дедушка за свою внучку...

ФЕЯ *перебивает*. Рассказать, говоришь? Так я расскажу, всё расскажу, не сомневайся. Какое ты вообще право имеешь что-то мне тут говорить, а? Думаешь, после всего, что было, ты можешь вот так припереться сюда, как ни в чём ни бывало, делать вид, что не было ничего? Так думаешь, да?

ДЕД МОРОЗ. Боюсь я не...

ФЕЯ *перебивает*. Нет, ты послушай! Сам просил рассказать, так слушай теперь! Думаешь, я всё забыла? Думаешь, мне приятно было... а я, между прочим, ждала тебя! Каждый год... ждала твоего появления, стишки эти сраные учила, а ты? Что ты? Забыл меня? Бросил меня,

как мусор? Как собачку бездомную... провёл рукой и дальше пошёл, а я? Знаешь, что я? Знаешь ли ты, что было со мной? Где ты был все эти годы?

ДЕД МОРОЗ. У дедушки были дела...

ФЕЯ. Дерьмо собачье! Слышишь? Я думала, это со мной что-то не так! Думала, это я плохая, поэтому... И я вела себя хорошо, о, как хорошо я себя вела. Но тебя не было. Не было, не было, не было. И тогда я наконец поняла — нет, дело не во мне. Дело в тебе. Просто тебе было насрать. Тебе и таким как ты. Вам всем насрать, как же вам всем на меня насрать! Встань на табуреточку, девочка, расскажи стишок, девочка, спой мне песенку, девочка, раком наклонись, девочка... а теперь вали на хрен, дура, исчезни с глаз моих!

ДЕД МОРОЗ. Послушайте...

ФЕЯ. Нет, это ты меня слушай! Заткнись, не перебивай, слушай... за все эти годы выслушивай! Я думала, это я плохая, но нет... и тогда да, я стала плохой. По-настоящему плохой. Зачем быть хорошей, если на тебя не обращают внимания, если ты — никто? И я стала... да, я хотела отомстить. Я хотела дотянуться до тебя, слышишь, и плюнуть в твою самодовольную красную рожу! Но тебя не было. Не было, не было, не было. И вот теперь ты стоишь передо мной с таким лицом, как будто ничего не случилось, и несешь какую-то пургу, и думаешь, я это сожру? Вот так просто — сожру?!

ДЕД МОРОЗ. Послушайте, девушка. Тут какое-то недоразумение.

ФЕЯ. Недоразумение?! Да это ты — недоразумение!

ДЕД МОРОЗ. По-моему, я не тот за кого вы меня принимаете.

ФЕЯ. А за кого я тебя, по-твоему, принимаю? Ты — Дед Мороз или кто?

ДЕД МОРОЗ. Я... послушайте, девушка. Это карнавал. Просто карнавал. Здесь всё не то, чем кажется.

ФЕЯ. Да что вы все заладили со своим карнавалом...

ДЕД МОРОЗ. Здесь все не те, кем кажутся.

ФЕЯ. Я тебе не верю.

ДЕД МОРОЗ. И правильно делаете. Никому не стоит верить. Но надо же как-то жить дальше...

ФЕЯ. Ненавижу тебя. *Начинает плакать.*

ДЕД МОРОЗ. Послушайте. Выслушайте меня. Я вижу, что кто-то вас здорово обидел. Но это был не я. Честное слово — не я. Я просто... слушайте, я всё понимаю. Но нельзя же вот так идти по жизни с этим грузом...

ФЕЯ. Да что ты в этом понимаешь вообще?

ДЕД МОРОЗ. О, поверьте, я в этом очень хорошо понимаю. Не знаю, кто и как вас обидел, не знаю, почему он это сделал, только догадываться могу... но поверьте, в этом совершенно точно нет вашей вины.

ФЕЯ. Тебе-то откуда знать?

ДЕД МОРОЗ. Того чело... того, кто вас когда-то обидел, давно уже нет. Как и того, кого обидели. Вы другая. Вам больше не обязательно ненавидеть.

ФЕЯ. И я такая сразу взяла и перестала.

ДЕД МОРОЗ. Да. Взяла и перестала.

ФЕЯ. Кто ты?

ДЕД МОРОЗ. Ты знаешь.

ФЕЯ. Кто ты?

ДЕД МОРОЗ. Я — дедушка мороз.

ФЕЯ. Сними маску. Я хочу увидеть твоё лицо.

ДЕД МОРОЗ. Ты точно уверена, что хочешь именно этого?

ФЕЯ. Да.

ДЕД МОРОЗ. Хорошо, я сделаю это для тебя. Только сначала...

ФЕЯ. Что?

ДЕД МОРОЗ. Обними меня.

Фея стоит в нерешительности.

ДЕД МОРОЗ. Просто обними. Это не страшно. Это не больно. Я не причиню тебе зла, обещаю. Сделай шаг навстречу и обними меня. Это же так просто.

Фея шагает к Деду Морозу. Стоит в нерешительности, а затем заключает его в объятия. Дед Мороз обнимает фею. Фея рыдает.

ФЕЯ. Прости меня. Прости. Прости.

ДЕД МОРОЗ. Тебе не за что просить у меня прощения.

ФЕЯ. Я... я думала, ты бросил меня, потому что я — плохая. Потому что я недостойна тебя. Потому что Дед Мороз приходит только к хорошим девочкам...

ДЕД МОРОЗ. Вот найти бы того умника, который первым придумал говорить эту хрень детям, да сломать ему табло.

ФЕЯ. Я... мне так тебя не хватало.

ДЕД МОРОЗ. Послушай меня. Выслушай меня, прежде чем я сниму маску. Это очень важно.

ФЕЯ. Я слушаю тебя.

ДЕД МОРОЗ. Прости меня, что меня не было рядом с тобой все эти годы. Но знай — даже если меня нет, я всё равно где-то рядом. Я люблю тебя. И всегда любил.

ФЕЯ. Правда?

ДЕД МОРОЗ. Правда. А теперь... можешь снять с меня маску.

ФЕЯ. Я?

ДЕД МОРОЗ. Да. Лучше бы тебе сделать это самой.

Фея протягивает дрожащую руку и осторожно снимает маску с лица Деда Мороза, но Деда Мороза — нет, и надо как-то жить дальше. Фея опускает руки. Закрывает глаза. Глубоко дышит. По её щекам катятся слёзы.

ФЕЯ. Ночь. Улица. Аптека. Никого
Грязь в подворотнях. Снег. И яд по вене
Я — тень, всего лишь тень того
Кто вовсе не отбрасывает тени

Все рифмы — ложь, все песни — ложь, все сказки — ложь
Запри свой крик в груди, как птицу в клетке
Ты любишь жизнь, а значит — ты умрёшь
Но будет вечно жить идущий к смерти.
Любовь, надежда, вера... всё одно —
Бездушный месяц над пустынным полем
Ты — боль. Всего лишь боль того
Кто никогда не испытает боли

И вязнет тишина в сети из слов
Раскиданных по разным континентам
Мы — просто столб на перекрестии дорог
Где никогда не встретятся два ветра

Ко взгляду — взгляд, к мечте — мечта, к руке — крыло
Пустой трамвай, напрасный сон... и снова:
Мы — только слово на губах того,
Кто не способен вымолвить ни слова

Из тумана появляется мальчик и подходит к фее. Фея не замечает его.

Все повторится вновь кошмарным сном
За жизнью — жизнь, эпоха за эпохой
Но я — лишь тень. Всего лишь тень того
Кому все тени откровенно по...

МАЛЬЧИК (*держит фею за руку*). Тётя! Тётя, ты что дура? Ты чё ревёшь тут стоишь, новый год же! Радоваться надо! Все радуются, а ты стоишь и ревёшь...

ФЕЯ *открывая глаза*. Ты... это что, ты?

МАЛЬЧИК. Какой странный вопрос. Тётя, ты точно не дура?

ФЕЯ. Ты что, выжил? Ты живой? Я... я думала, ты...

МАЛЬЧИК. Ну конечно я живой. Пойдем, говорю, все тебя ждут. Новый год, все празднуют, а ты стоишь тут одна и плачешь. Совсем как дура.

Фея смотрит на мальчика.

МАЛЬЧИК. Ну что смотришь? Пойдем. *Протягивает ей руку. Фея осторожно берет мальчика за руку. Мальчик тянет её за собой и они начинают движение.*

ФЕЯ. А где... где твоя сестра?

МАЛЬЧИК. Нет, ты точно дура. Ты и есть моя сестра.

Фея останавливается и непонимающе смотрит на мальчика.

МАЛЬЧИК. Это карнавал. Здесь всё не то, чем кажется.

Мальчик и фея уходят, а за спиной у них тает снег. Слышится вздох. Олень поднимается на ноги и щиплет молодую зеленую траву.